

Идеология и нарциссизм. Мании грандиозности: наблюдение, симптоматика, генезис

Александр Рубцов, Руководитель сектора
философских исследований идеологических процессов,
Институт философии РАН. E-mail: roubcov@inbox.ru

Аннотация: Взаимоотношения между сферой идеологического и нарциссизмом в его индивидуальных и коллективных проявлениях рассматриваются как малоисследованный предмет теории, в исторической перспективе и в оперативных срезах политики. Подчеркивается параллелизм двух актуальных процессов: реабилитации идеологии с форсированной реидеологизацией политики и жизни, с одной стороны, и нарциссических обострений в идеологическом официозе и массовом сознании – с другой. Истоки нарциссической склонности идеологии обнаруживаются в начале Нового времени: её самоопределение в секуляризации происходит на фоне расцвета титанического гуманизма философии и проектов Возрождения. Обосновывается амбивалентность главных составляющих схемы: Модерна («исчадие рая»), идеологии (необходимые заблуждения) и нарциссизма (конструктив и деструктив «негабаритного Эго»). В мировоззрении Модерна выявляются базовые противоречия: Свободы и Порядка, приватности и тотальности, индивидуации и культура организованности. Открытость новому и изменениям сочетается с остановкой реальности в завершенном проекте. По аналогии со схемой конституирования политического оппозицией «друг – враг» (Карл Шмитт) идеологическое конституируется оппозицией «вера – знание». По итогам стандартного теста идеология определяется как генетический нарцисс, которому по умолчанию свойственна склонность к мегаломании и завышенной самооценке. Подчеркивается расположенность к фиксации на грандиозности и всемогущественности, проблемы с коммуникаций и эмпатией, в отношениях с другими и с самой реальностью. Агрессия и репрессивность реализуются в диапазоне от приступов «нарциссического гнева» и «нарциссической ярости» до сакраментального влечения к смерти. Анализируется граница (зона) перехода от естественного нарциссизма идеологий и идеологических субъектов к расстройствам на уровне коллективов, групп и массовидных сборок, а также «бессубъектных» образований в структурах государства и социума. Философия локализуется между врожденным нарциссизмом идеологии и антинарциссизмом науки.

Ключевые слова: Идеология, нарциссизм, патопсихология, Модерн, свобода, организованность, тотальный проект, репрессия, комплексы, вытеснение, постмодерн, реидеологизация

«У таких больных, которых я предложил назвать парафрениками, наблюдаются две следующие основные характерные черты: бред величия и потеря интереса к окружающему миру (к лицам и предметам). Вследствие указанного изменения психики такие больные не поддаются воздействию психоанализа, и мы не можем добиться их излечения».

Зигмунд Фрейд. «К введению в психоанализ»

Даже и после – уже в обители принят Аида –
В воды он Стикса смотрел на себя.

Овидий. «Метаморфозы»

В подзаголовке этого текста слово «эпидемия» отражает два связанных тренда в России и мире. Речь о реванше идеологии и о параллельной эпидемии НРЛ – нарциссических расстройств в психопатологии вождей и масс. Реабилитация идеологии считается одной из главных находок постмодерна, отвергшего идеологическую классику, чтобы потом так же радостно разувериться в надеждах сплошной деидеологизации и пророчествах конца идеологии. В свою очередь, нарциссизм, также входящий в базовые определения постмодерна, уже возведён в ранг знаковой черты и «эпидемии» XXI века, методично поражающей культуру, отношения, политику и политиков. Это близкие мании и родственные культы – чужих великих идей и собственных «неотразимых отражений». Проработка их связи в теории уже многое объясняет в природном нарциссизме идеологий и в идейной возбудимости нарциссов. Когда же идейная экзальтация усиливается нарциссической в политике и жизни, это чревато личностными сдвигами и массовым помешательством, вплоть до коллективного бреда величия, приступов «нарциссической ярости» и тайно пожирающего нарцисса влечения к смерти.

1. Нарциссический идеологизм в самосознании Модерна и постмодерна

Идеологии, заряженные комплексом нарцисса, – бинарное оружие из самых отравляющих. В арсенале средств массового поражения сознания воздействие таких соединений наименее предсказуемо. Проблема «глобального нарцисса» не только в разрушительных конфликтах с собой, другими и самой реальностью. Перспектива больших катастроф заранее вписана в сценарные структуры всякой мегаломании, фиксированной на собственной грандиозности и всемогущественности. С нарциссами трудно жить, но можно и вовсе не выжить. Гений нуара Стивен Кинг, увидевший в Дональде Трампе «просто хрестоматийный пример нарциссического расстройства личности», заявляет: «То, что у этого парня палец на красной кнопке, страшнее любой истории ужасов, что я написал...»¹. И в мире Трамп не один такой². Остроту положения

¹ Цит. по: *Worley W.* Donald Trump is 'worse than any horror story I've written', says Stephen King // Independent. Thursday 4 May 2017. URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/stephen-king-donald-trump-president-us-worse-than-any-horror-story-ive-written-a7717506.html>.

трудно переоценить, если понимать логику «рисков с неприемлемым ущербом» и связывать с ней специфические, часто непредсказуемые реакции деструктивных, патологических и злокачественных нарциссов. Такие обострения одинаково опасны на вершинах власти и в идейно заряженной массе.

Тот факт, что идеологии небезобидны как таковые, известен, хотя не всем и, как правило, в относительно слабых и мягких версиях, обычно в марксоидных. Оправдание группового, в частности классового, господства – не самое страшное, что умеет идеология. Трудно переоценить роль идеологий в самых масштабных извращениях высокого Модерна – двух тоталитаризмов, нацистского и советского. Это был комплекс не только геополитических и социальных, но и идейных, интеллектуальных, психических и нравственных катастроф века – посильнее распада СССР. Но здесь же видны и необыкновенные, поистине нечеловеческие мобилизующие возможности зараженных нарциссизмом идеологий – со всеми яркими эффектами и жуткими последствиями такой мобилизации.

Конкретные моменты возвращения к доминации идеологии легко списываются на ситуативные факторы, такие, например, как проблемы с недавней, если не сказать последней попыткой модернизации в России. Когда неспособность к реальным достижениям приходится компенсировать титаническими свершениями в пространствах идеального, все вырождается в демоверсию, в гигантскую презентацию с навязчивым идеологическим подтекстом. Когда иссякают ресурсы и сами надежды, остаётся ненавидеть всех и болезненно гордиться собой. Недовольство, которое ещё совсем недавно «заливали деньгами», в условиях рецессии остаётся гасить сильными идеями и перегретыми страстями.

Но если отрегулировать фокус, сменив оптику зрения с политики на историю, можно увидеть в нынешней реидеологизации и совсем другой масштаб – соразмерный едва ли не всей эпохе Модерна. Эти длинные волны наката идеологии и контридеологии раскачивали буквально все Новое время; не затухают они и сейчас, в среде радикального постмодернистского антифундаментализма.

Известная линия рассуждений связывает историческое самоопределение идеологии с истоками Модерна, конкретнее – с процессами секуляризации. Не от Дестюта де Трасси и Наполеона (это только сам термин), а от первых гуманистических манифестов и проектов всего идеального. Именно в тот момент идеология возникает как специфическая интеллектуальная и духовная форма, как почти отдельный институт. Это не отрицает существования идеологического и прежде, если не сказать «всегда», но именно в Новое время оно становится относительно самостоятельной компонентой сознания, нащупывает особые жанры и организованности, свойственные «идеологии» в современном и собственном смысле этого слова.

Исход из теологического синкретизма Средневековья (от схоластики божественного *studia divina* к человекоразмерности *studia humanitatis*) был изначально диверсифицирован не только в науку и философию, но и в идеологию (при всём

² Подробнее об этом см.: Рубцов А. В. Нарцисс для масс: как психологи рисуют политический портрет Трампа // РБК 24.11 2017. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/11/2017/5a17f5989a7947703f038b79>.

взаимопроникновении этих специализированных форм сознания). Учитывая генезис идеологий от постсредневековой секуляризации, примерно в таком контексте их и называют «светскими религиями». Позднее возникает понятие «интеллигентских религий» и даже «интеллигентских приходов», разновидностью которых являются «университетские приходы», ориентированные на вузовскую профессуру, «богемные приходы» и пр.³

В том начальном «продукте секуляризации», ещё не вполне разделяющем возрожденческую науку, натурфилософию и морально-политическую идеологию, тесно переплетены исследование и проект, анализ и программа, критика и догма, рефлексия и аксиоматика. Связь познавательного и идейного зарядов Модерна прямо подводит к трактовке идеологии как «Веры в упаковке Знания». «Как только какое-либо знание становится убеждением, системой взглядов, стимулом к объединению и действию, всякая «истина» начинает жить по совершенно особым законам и критериям – по законам и критериям идеологии. В этом смысле идеология неустранима. Непрерывно поддерживать себя в состоянии снимающей идеологию жесточайшей, бескомпромиссной рефлексии невозможно даже просто физически (чем-то это напоминает неизбежное снижение концентрации в спорте, например, в теннисе или бильярде). И как только человек, общность или общество сподабливаются, ослабив критику, во что-либо уверовать, автоматически возникает идеологическая ситуация и само идеологическое»⁴.

Данная формула даёт повод для конституирования идеологического по схеме Карла Шмитта, который, кстати, как раз и видел в политике скрытую секуляризацию теологических идей и программ («политическая теология», легитимность как светская теодицея и пр.)⁵. Если политическое конституируется у Шмитта оппозицией «друг – враг» (подобно оппозициям «добра – зла» в этике, «прекрасного – безобразного» в эстетике и пр.), то идеологическое можно попытаться конституировать оппозицией «знание – вера». Разные формы и фрагменты идеологий могут по-разному располагаться в этом континуальном переходе, на полюсе веры асимптотически приближаясь к религии, а на полюсе знания – к философии и даже к науке⁶. Один и тот же текст может тяготеть одновременно к разным полюсам, в том числе к идеологии и философии. Это вопрос не контента как такового, но интенции: догматизация «очевидности» делает текст идеологией, а установка на критику непромысливаемого то же самое высказывание превращает в философское. В этом плане категоричные отсылки к «классическим определениям идеологии» (обычно это Маркс) автоматически переводят разговор из философского регистра в идеологический – со всеми атрибутами нарциссической безапелляционности. В своё время в Институте философии РАН под

³ См.: *Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М.* Семиотика религиозных коммуникативных систем: дискурсы смыслов. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 42–43.

⁴ *Рубцов А.В.* Российская идентичность и вызов модернизации. М., Экон-Информ, 2009. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html>.

⁵ *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.

⁶ Подробнее об этом см.: *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7; *он же.* Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6.

руководством Б.А. Грушина планировалась серия больших публичных семинаров на тему: «Слушания по делу очевидностей».

Наряду с традиционной оппозицией идеологии науке и философии, возможно и более сложное представление об идеологии как о включённой, неустранимой и даже необходимой компоненте научного и философского знания. В этом идеология подобна культуре, о которой также можно говорить одновременно и как об отдельном явлении, рядоположенном науке, политике, экономике и пр., – и как о включённой, проникающей, диффузной субстанции. Именно эта идея реализуется в понятиях деловой, политической, правовой, исследовательской и т.п. культуры – вплоть до культуры мышления и оформления сносок. Это разные, но связанные схемы: «идеология и...» – и «идеология в...».

Такого рода связи видны уже в процессах эмансипации идеологии в Модерне. Идеология изначально отделяется от религии и веры и сама по себе (например, в акафистах Человеку или в проектах всего идеального – городов, обществ и личностей), но и в составе философии и науки, как их неустранимое включение. Затем выясняется, что и противоположная эмансипация – науки и философии от идеологии – после неудач, как минимум, трёх позитивизмов, признана в полном объеме нереализуемой. Более того, у идеологической составляющей науки обнаруживается не только остаточный, но и конструктивный смысл, например, в функциях исследовательских программ (что, в частности, подчеркивал В. А. Лекторский на круглом столе в Институте философии РАН «Философия и идеология; иллюзия деидеологизации»⁷).

Итак, уже в начальном обособлении идеологии устанавливается прямая связь с мощнейшим нарциссическим зарядом гуманизма и особенно титанизма Возрождения. Тот гуманистический контекст, который, успев стать рутинным, кажется нам теперь данным от века, изначально утверждался не на бытовом уровне, но немислимимым возвышением человеческого как «нечеловеческого»: тогда этот жест означал «подвинуть Бога». Гуманизм в нынешней сильно обмирщенной среде – бледная тень его самоутверждения в битвах секуляризации. Особенно это видно в ренессансной культуре, еще подверженной влиянию религии и церкви с рецидивами «готической реакции». Не зря эту раннюю форму титанического гуманизма так плотно связывают с «обожествлением человека» как «микрокосмоса» и «богоравного существа». Показательно, что и одна из современных связанных с нарциссизмом работ ученика Фрейда Эрнеста Джонса, бывшего президентом Международной психоаналитической ассоциации и Британского психоаналитического общества, так и называется – «Комплекс Бога» («The God Complex»)⁸. Человек и сейчас «созидает и творит самого себя», но для нас это стало бытовой банальностью. Тогда же все это более походило на четвертую Сикстинскую фреску с сотворением человека... если Саваофа справа заменить на ещё одного Адама.

Этот поистине комический восторг понятен: впервые самореализуется максимально представимая грандиозность и всемогущественность существа, которому

⁷ Сыродеева А.А. Философия и идеология; иллюзия деидеологизации. («Круглый стол» в Институте философии РАН) // Вопросы философии. 2018. № 7.

⁸ Jones E. The God Complex: The Belief that One is God, and the Resulting Character Traits // Essays in Applied Psycho-Analysis. London: Hogarth Press, 1951. Vol. 2.

«дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет»⁹. Потом это попадёт в эпитафии к «Бегству от свободы»: «...И сам себе будешь творец и создатель. Лишь тебе даровал я расти и меняться по собственной воле твоей. Ты несешь в себе семя вселенской жизни»¹⁰. В чистом виде идеология, причём идеология дикого самомнения потерявшего края нарцисса, в сравнении с которым юноша из мифа скромн и неприхотлив.

2. Парадоксы именованья: исчадие рая, полезная отравка, конструктивная патология

В этой схеме важна амбивалентность в оценке всех трёх её элементов: Модерна, идеологии и собственно нарциссизма. Здесь вообще нет ничего однозначного – но именно в оценочных толкованиях этих понятий чаще всего проявляется примерная односторонность.

В классической линейно-прогрессивистской традиции Модерн связывают с эмансипацией человека, с утверждением индивидуализма и свободы, верховенства закона и права, суверенитета лица и народа, с продвижением гуманистических ценностей, идеалов Просвещения и др. атрибутов всего самого хорошего. Исторический негатив, в том числе чудовищный и кровавый, обычно списывают на рецидивы старого и недоработки нового – ещё только становящегося Модерна, который и сейчас, согласно Хабермасу, есть «незаконченный проект». Внутренняя критика и самокритика эпохи – издержек просветительского профетизма, линейной кумулятивности, наивного прогрессизма, оголенного рацио и пр. – представляется скорее чем-то сопутствующим и вторичным на фоне всепобеждающего движения от хорошего к лучшему, в итоге – к совершенному и идеальному. Вместе с тем в этой внутренней критике уже заложено многое не менее принципиальное и даже видны отблески будущего постмодерна, как в Шопенгауэре, де Местре или Ницше.

Уже в начальной точке входа в Модерн слиты две соизмеримые, если не равнозначные его составляющие: утверждение Свободы, но и Порядка, открытость новому, но и культ жесткой фиксации реальности дисциплинирующим проектом. Это неразрешимый конфликт индивидуального и идеального, приватного и разумно организованного – причём именно извне. Суверенитет и права личности утверждаются одновременно с тотальной архитектурой всего совершенного и завершенного, политически правильного и предначертанного Знанием. Идея суверенитета народа не исключает его суровой, в том числе политической, функциональной, духовной и телесной организации. Ещё один принцип дополнительности, два достойных друг друга усилия: освободить и «построить», причём построить и по плану, и в сугубо дисциплинарном смысле (от слова «строй»). Мне уже неловко намекать на подозрительную схожесть пространственно-графической эстетики идеальных поселений и идеальной тюрьмы Иеремии Бентама. Садистский в своём прозрачном геометризме Паноптикум – тот же город Солнца, но по приговору.

⁹ Пико делья Мирандола Д. Речь о достоинстве человека. URL: <http://platonizm.ru/content/piko-della-mirandola-rech-o-dostoinstve-cheloveka>.

¹⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. С. 3.

В XX веке человечество достигло двух максимумов этого исторического движения: самореализации свободы – и ужасов концлагеря. И все это «исчадие рая» уместается в целом Модерна, с его разнонаправленными векторами. История единства и взаимопревращений доктора Джекила и мистера Хайда – именно об этом (как и многое другое в том же роде). Есть светлая и темная стороны Модерна, причём темная сторона часто невидима. Постмодерн как раз и возникает как реакция на воплощение идеи тотального проекта – от Modern Movement в градостроительстве и тотальном дизайне до репрессалий в политике и машин смерти ГУЛАГа и Освенцима. Тотальная архитектура новых городов и политических систем как одна и та же концентрационная утопия. В лучшем случае – макет, реализованный в натуральную величину, существование в котором также становится «макетом жизни».

Если в раю Модерна есть свои круги ада, то в идеологии, как и во всякой отраве, есть своя польза. Если идеология самоопределяется в противоречиях Нового времени, то и отношение к идеологии должно воспроизводить эту двойственность. Оно так же амбивалентно, с той лишь разницей, что в Модерне приходится видеть не только светлую сторону, а в идеологии, наоборот, – не только мрак обмана.

В расхожих версиях идеология это прежде всего «ложное сознание для других», в лучшем случае – превращённая форма сознания самих господствующих, оправдывающая «бремя» господства. Отсюда легко выводится жесткая разоблачительная установка и сама идея «контридеологической аналитики»¹¹, с которой спорить не хочется, но которую в конкретных политических условиях следует только поддержать и усилить. Однако это не противоречит и расширительной трактовке идеологического, учитывающей включённые, в том числе конструктивные проявления идеологии в науке, искусстве, в социальной психологии и техническом творчестве, а также в приватном самосознании и даже в идеологическом бессознательном. При самом враждебном отношении к идеологии эти её «полезные» свойства необходимо учитывать – хотя бы для понимания причин её необыкновенной живучести и редкой силы. Если идеология только вредоносна и безнравственна, то почему она так устойчива и порой почти непобедима даже под ударами этой самой «контридеологической аналитики»? И это не только проблема распределения эфирного времени и других ресурсов. Мы уже не говорим о необходимости понять и противоположную крайность – сдержанную реабилитацию и даже апологию идеологического в утверждении философии как особого рода идеологии¹².

Здесь многое проясняет анализ идеологических включений в смежных практиках, например, в искусстве. Речь не о банальных политических и организационных трениях между художниками и властью, идеологией и творцом: энтузиазм и разочарования, заказ и конфликт, проблема ангажированности, давления, цензуры, репрессий и убийств на идейной почве. Речь о собственной концептуальной и эстетической идеологии, присутствующей в творчестве, а в снятом виде – и в самом изделии. Так, уже импрессионизм предполагает в целом артефакта наличие более или

¹¹ Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. № 4. Т. 9. С. 5–17.

¹² Межуев В.М. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 4. С. 172–180.

менее понятной идеологии – если не пояснения, то намёка: «что это было? к чему это l'impression». Авангард (например, супрематизм) со всем, что потом произошло от него, и вовсе немислим без идеологического сопровождения – имитации философии, своего рода «эстетики в упаковке знания». Иногда вообще непонятно: то ли идеи и слова подсвечивают вещь, то ли сама вещь нужна лишь для иллюстрации Замысла как материальный код идеологии. «Чёрный квадрат» или опус «4'33"» пусты без экспликации идеи; не случайно Малевич писал философические трактаты и письма, а Кейдж был немного мыслителем, адептом философии Востока и духовных практик дзен. Соответственно, без идеологического «интерфейса» непонятны и немислимы продолжения в искусстве, этими программными вещами и текстами инициированные. Именно поэтому ничем не стали все чёрные квадраты, исполненные задолго до Малевича Робертом Фладдом, Бергелем, Густавом Доре, Генри Холлидеем, Полом Бийо и даже самим Альфонсом Алле с его «Битвой негров в пещере...», упоминание о которой недавно найдено на версии «Квадрата» в ГТГ. Правда, авангард кончился, зато тень Алле тихо живет в постмодернизме...

Ещё более выявляет возможный конструктив идеологии её присутствие в структурах приватного сознания. Определения идеологии как «сознания для других», якобы обязательно встроенного в социальную коммуникацию, недооценивают значение внутренней коммуникации – присутствия «другого» уже в самой структуре Эго, в индивидуальном сознании и бессознательном. Если есть «внутренний диалог» (а это вполне заслуженная теория, подарившая нам трансакционный анализ, автосихотерапию и ряд изысканных медитативных практик, не говоря о Бахтине и Кастанеде), значит, есть и «внутренняя идеология»! В структуре личности эта её собственная, адресованная себе идеология решает те же задачи, что и идеология социума, социально-политическая. Если есть «идеология макро», то должна быть и «идеология микро» (хотя между ними разница, как между атомом и планетами). Эта идеология для себя точно так же обслуживает «внутреннюю политику лица». Она легитимирует выгоды положения субъекта или, наоборот, оправдывает его неудачи, служит психологической защитой и собирает воедино картину внутреннего и внешнего мира – насколько это вообще возможно. Если покопаться в мозгах не самых примитивных личностей, там найдутся аналоги внешних идеологических процессов и целых институтов – производства, обращения и воспроизводства сознания, генерации и индоктринации, идейной борьбы, цензуры, репрессий и сопротивления. Отдельная голова как микрокосм идеологической жизни и власти в социуме, как лейбница монада общества и государства с развитой системой идейного окормления. Идеологический отдел мозга.

Возможен и обратный ход – к пониманию макроидеологии через её атомарные проявления, через идеологический микромир. Внутренняя идеология работает одновременно и как лекарственная химия. Анестезиология, седативные средства и даже наркотики, в том числе нелегкие – все это разрушительно в передозе, но бывает необходимым по жизненным показаниям, от болевого шока до ухода в изменённые состояния. Если бороться с наркоманией, надо все же понимать, что дают разрушающему свою жизнь человеку все эти вещества, инъекции, «колеса» и грибы.

Примерно то же они дают обществу, снимающему стресс и боль, – иногда самой

тяжелой идеологической наркотой нестрогой отчетности. Главное про это было сказано ещё о религии, сначала Новалисом: «Вообще так называемая религия действует, как опий: она навлекает и приглушает боли вместо того, чтобы придать силу»; затем священником и чартистом Чарльзом Кингсли: «Религия – опиум народа». Канонический фрагмент, из которого у Андрея Платонова потом вытек «предрассудок Карла Маркса и народный самогон», в оригинале выглядит так: «Религия — это воздух угнетенной твари, сердце бессердечного мира, а также душа бездушной ситуации. Подобно тому, как она — дух бездушных порядков, религия — есть опиум для людей!». С опиумом религию сравнивали также Гейне, Гегель, Кант и Фейербах. К идеологии все это тоже относится, в том числе, «чтобы народ не скорбел».

Столь же важна оценочная амбивалентность нарциссизма; она не менее принципиальна и ни в чем не уступает двойственной природе Модерна и идеологии. Точно так же, как в идеологии обнаруживается не только грандиозная ложь, но и ряд компенсаторных, терапевтических, ориентационных и проективных функций, нарциссизм в грамотных подходах тоже не оценивается однозначно. Стараниями психопатологии, заряженной на работу с пограничными и острыми случаями, нарциссизм в быту и в популярной науке воспринимается либо как расстройство, либо как черта характера, дурная или комичная. Но специальная литература даёт и другую, в том числе позитивную оценку того, что называется нарциссической акцентуацией характера.

Для российской аудитории это проблема не только знакомства с матчастью, но и ввевшихся установок. Даже в области знания у нас сохраняется отношение ко всему «психическому», характерное до «Истории безумия...» и «Рождения клиники» Фуко. Кроме того, если на Западе личный психоаналитик или психотерапевт это норма, элемент престижа и демонстрационного потребления, то у нас любая внешняя коррекция психики воспринимается как диагноз, который хуже судимости.

Заодно с тихим ужасом перед всяким «психическим» как перед духовной проказой, вытесняется и весь состав нормального нарциссизма, не говоря о позитиве. Сам Фрейд не сводил дело к патологии: «Нарцизм в этом смысле не является перверзией, а либидинозным дополнением к эгоизму инстинкта самосохранения, известную долю которого с полным правом предполагают у каждого живого существа»¹³. Фромм различал нарциссизм «доброкачественный» и «злокачественный» и считал его компенсатором, необходимым для выживания человеку, лишенному, в отличие от животных, комплекса спасительных инстинктов. От Фрейда идёт отношение к «первичному», возрастному, к младенческому и детскому нарциссизму как к важному этапу формирования личности. Помимо деструктивного, патологического и злокачественного нарциссизма есть нарциссизм «детский нормальный», «взрослый нормальный» и т.п. Усиливая ориентацию на успех, он помогает самореализации. Наконец, нарциссизм бывает «профессиональным» и отнюдь не заболеванием: в правильных дозах и формах он необходим в творчестве и политике, во всякого рода харизматике, в воспитании и педагогике. Он бывает полезен даже в ученом, хотя сама наука это скорее классический антинарцисс, экстремально

¹³ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: Издательство «Э», 2017. С. 169.

самокритичный и решающийся на изменения теории лишь в крайней необходимости.

Это два очень похожих друг на друга гибрида: идеология как порыв гениев и прибежище ничтожеств – и нарциссизм как порождение и стимул успеха, но и как реакция на комплексы обесценивания.

3. Генетика грандиозности. Идеология как врожденный нарцисс

Чтобы оценить склонность идеологии к нарциссическим отклонениям, достаточно представить её подобием условной личности, а затем протестировать по стандартной симптоматике НРЛ, например, из «библии» психопатологов – из Диагностического руководства по психическим расстройствам¹⁴. Согласно этой святой книге нарциссизм признаётся патологией (а не просто особенностью характера) при наличии пяти из девяти характерных признаков. В отношении идеологии результат легко предсказуем.

Подобно носителям определенного типа личности или жертвам расстройства, идеологии слишком часто заиклены на себе, патологически самодовольны и самоуверенны. Им, как и людям известной породы, свойственна непререкаемая убежденность в собственном величии и исключительности; в этом смысле они тщеславны и болезненно эгоистичны. Строго говоря, изрядная доля безапелляционности здесь в принципе необходима – или это уже не совсем идеология.

Как типичные нарциссы, идеологии ориентированы на успех и власть – пусть иногда в очень специфических проявлениях. Они требуют к себе внимания и знаков восхищения, им необходимы овации, восторги и клятвы, последователи и жертвенные фанаты. Это может скрываться под оболочкой сухого знания и даже самоотречения перед лицом высших истин, но даже самые скромные их адепты требуют исключительного пиетета и только по внешности ни на что лично не претендуют. Это напоминает нередкий нарциссизм самоуничужения верующих, скромность которых бывает паче гордости, особенно у любителей делиться своей посвященностью перед аудиторией.

Идеологиям обычно присущ сверхординарный размах, который в симптоматике НРЛ называют «фиксацией на грандиозности и всемогущественности». Здесь редко мелочатся: если исправлять, то мироздание, историю, характер и судьбу нации, общества и самого человека. Идеология и мегаломания – близнецы-сестры. Например, у Маркса (при всём подлинном к нему уважении) это не менее, чем конец «предыстории человечества» и начало собственно человеческой истории. Но даже в самых скромных и внешне непритязательных идеологических схемах, например, служащих психической защитой во внутреннем диалоге обесцененной личности, всегда есть запасной выход в другой масштаб. Например, это может быть «решением» проблемы отнесением себя к особой категории людей, к которым нельзя относиться с обычными мерками рации, функциональности или успеха. Даже крупные жизненные неудачи могут объясняться избранностью, что одинаково характерно для защитных реакций обычных лузеров и целых государств. Так, сложности модернизации со сменой

¹⁴ American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5). Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013.

вектора и преодолением технологического отставания можно объяснять особым инфернальным графиком отечественной истории, сначала доводящей дело до поистине адского состояния, а потом взрывающей мир сказочным опережением всех и вся.

Идеологии-нарциссы патологически интровертны. Все другое – люди и системы идей – интересны им лишь как рабочая фактура, на которой реализуется образ собственного величия и совершенства. Идеологам и адептам одинаково свойственна неспособность не только к диалогу, но к элементарной слышимости; безразличие к другим, враждебность и ноль эмпатии – обычное отношение к социальному и идейному контексту. Критика недопустима, а реакция на неё всегда неадекватна. Идеологически заряженные субъекты особенно податливы на провокации «нарциссического гнева» и «нарциссической ярости». Выраженный нарцисс в быту может убить, но и в истории во имя торжества великих идей и ценностей убито и замучено больше людей, чем ради завоеваний и просто грабежа.

Вместе с тем, в идеологических процессах, как и в общей психопатологии нарциссов, типичны эффекты не только идеализации переноса, но и мгновенного обесценивания. В добротной и нормально работающей идеологии нет недостатков – либо она вся сплошной изъян и оскорбление былой веры. Поэтому компромиссы возможны в политике, но не в идеологии.

Нарциссы необыкновенно паразитарны, в том числе в самоутверждении за счет других. Для идеологий это не просто «образ врага», но ещё и активное принижение всего, из чего они собирают свой пьедестал. Иногда это целые пласты побеждённого и опровергнутого. В том числе и отсюда (а не только от политической задачи) явно завышенная агрессия и репрессивность. Дискуссии возможны исключительно в режиме «полемики на поражение». У Шмитта политическое конституируется не просто диспозицией «друг – враг», но именно такой, в какой враг подлежит полному уничтожению. Идеологии также подчиняются требованиям этой диспозиции, оказываясь не более чем «идеальным политическим» – продолжением политики в сфере идей, ценностей и представлений, не терпящих не то что врага или элементарной конкуренции, но и простого соседства. Для настоящей идеологии все другое если не враг, то рингтон в концерте.

Такими параллелями можно заниматься долго. Достаточно обложиться специальной литературой по психопатологии, взять в пациенты собирательный образ идеологии и ряд её наиболее известных, ярких порождений – и можно писать бесконечный трактат на тему. Правда, это будет напоминать Хармса: проработал медицинский справочник и обнаружил у себя все возможные заболевания. Но как быть, если выясняется, что это и в самом деле близко к истине?

4. Философия между нарциссизмом идеологии и антинарциссизмом науки

Тест на проявление нарциссической акцентуации в разных её формах имеет не только исследовательский, но и вполне практический смысл.

С одной стороны, аналитика, выявляющая нарциссические патологии, воспринимается как разоблачительная, а потому она бывает на редкость политически эффективна. Она эффективна по тем же причинам, по каким одно только упоминание о проблемах с психикой вызывает в людях бессознательную тревогу и настороженность.

В большой игре это всегда удар ниже пояса и в спину, нечто из области особо коварных политических вооружений.

Но с другой стороны, признание патологии в психической организации «пациента» может давать в аналитике и обратный эффект – менять агрессивно-разоблачительную установку на сочувственно-терапевтическую. Нарцисс – худший из пациентов, к нему труднее всего пробиваться через эшелонированную самозащиту и «панцирь характера» (Вильгельм Райх). Здесь приходится неординарным усилием воли отказываться от естественного желания навести порядок в мозгу клиента одной только мощью непобедимого рации. В случае с нарциссом эффект будет прямо противоположный – даже если вы предлагаете мир с переходом от идеологической борьбы к нормальной и регулярной идеологической жизни. Здесь необходимы особые стратегии, в том числе техники «зеркального» и «идеализирующего» переноса (Хайнц Кохут), только и способные установить трудный, иногда почти невозможный контакт. Переубедить в идеологии вообще крайне трудно, но в идеологии нарциссически заряженной – практически нереально.

Особую сложность представляет постоянная работа над собой, корректирующая собственные ответы на «нарциссические провокации пациента», отслеживающая рецидивы упоения «терапевтической властью» и «грандиозностью аналитика». Но это и полезно, поскольку в корне меняет сам этос отношения к проблеме и к людям. Такая коррекция бывает особенно ценной, когда политика и социум резко дифференцированы и «верхние» нарциссы делегируют «нижним» возможность изнемогать от голода, не отрываясь от зрелища грандиозных отражений.

Но есть и ещё один важный момент, связанный с анализом внутренне противоречивого сращивания-отталкивания во взаимоотношениях философии и идеологии. Это тема и вовсе из разряда не разрешаемых не только одновременно, но и вообще когда-либо. Речь идёт о постоянно возобновляющемся самоопределении философии, в том числе в связи с её эмансипацией от идеологического. Это одновременно и проблема «вечных» понятий отвлечённой теории как метафилософии – но и вопрос реакции на изменение текущего контекста, на потребность в коррекции самого понимания миссии философии в этом мире, в это время, в этом обществе, в этом институте и т.п. Нарциссизм в идеологии, свойственный ей вообще и так часто гипертрофированный в наше время, может служить здесь аналогом препарата, который вводят в организм, чтобы наблюдать движение окрашенных физиологических жидкостей или изменение меченых тканей. Иначе говоря, нарциссически меченую идеологию в философии отлавливать легче.

В нынешних условиях, когда конъюнктура все же склоняет к идеологической ангажированности (часто незаметной для самих философствующих), наличие нарциссической «метки» позволяет более обоснованно провести разграничение между философским исследованием и идеологической работой, между аналитикой и «окормлением», мнящим себя сразу интеллектуальным, духовным и нравственным.

Но здесь сразу же напрашивается ещё один рискованный эксперимент – протестировать философию в той же сетке нарциссических симптомов, что и идеологию. Это отдельная и сложная работа, которой надо заниматься не всуе, но кое-что бросается в глаза ещё до пристального анализа. Прежде всего – грандиозность

предмета и самого режима философствования. В культовых философиях величественны картины мира, но и форматы их живописания, а то и сами авторы. В этом великие философии, даже там, где они некоторыми частями возвышаются над великими идеологиями, могут казаться более нарциссами, чем сами идеологии.

Однако по другим критериям философия сближается скорее с антинарциссизмом науки, прежде всего в установках рефлексии и бескомпромиссной самокритики. Здесь есть перфекционизм, но он не патологический, поскольку выражается в требованиях и качестве претензий, но не в болезненно-иррациональных реакциях на непочтительность. Позиция между страстью к себе идеологического нарцисса и методологической самоотверженностью научного работника любого статуса кажется для философии (а также для социогуманитарного знания) интригующей и требующей специального анализа.

В этом отношении надо исследовать как теоретические схемы, так и нарциссизм конкретных идеологических проектов, с которыми сейчас приходится сталкиваться. Но это предмет отдельного разговора, в котором тема «Идеология и нарциссизм» последовательно переходит в тему «Идеологи и нарциссы».

Литература

American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5). Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013.

Jones E. The God Complex: The Belief that One is God, and the Resulting Character Traits // Essays in Applied Psycho–Analysis. London: Hogarth Press, 1951. Vol. 2.

Worley W. Donald Trump is 'worse than any horror story I've written', says Stephen King // Independent. Thursday 4 May 2017. URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/stephen-king-donald-trump-president-us-worse-than-any-horror-story-ive-written-a7717506.html>

Лебедев В.Ю., Прилуцкий А. М. Семиотика религиозных коммуникативных систем: дискурсы смыслов. М.: Директ-Медиа, 2015.

Межуев В.М. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 4. С. 172–180.

Пико делла Мирандола Д. Речь о достоинстве человека URL: <http://platonizm.ru/content/piko-della-mirandola-rech-o-dostoinstve-cheloveka>.

Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М., Экон-Информ, 2009. <https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html>.

Рубцов А. В. Нарцисс для масс: как психологи рисуют политический портрет Трампа // РБК 24.11 2017. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/11/2017/5a17f5989a7947703f038b79>.

Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6.

Рубцов А.В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7.

Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 5–17.

Сыродеева А.А. Философия и идеология; иллюзия деидеологизации. («Круглый стол» в Институте философии РАН) // Вопросы философии. 2018. № 7.

Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: Издательство «Э», 2017.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009.

Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.

References

American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5). Arlington, VA, American Psychiatric Publishing, 2013.

Freud S. *Oчерki po psichologii seksualnosti* [Essays on Psychology of Sexuality], Moscow, Publ."E", 2017.

Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom], Moscow, AST, 2009.

Jones E. The God Complex: The Belief that One is God, and the Resulting Character Traits. *Essays in Applied Psycho–Analysis*. London, Hogarth Press, 1951. Vol. 2.

Lebedev V. Yu., Prilutskii A. M. *Semiotika religioznyh kommunikativnih sistem: discursy smyslov* [Semiotics of Religious Communication Systems: discourses of meanings], Moscow, Direct-Media, 2015.

Mezhuev V.M. Filosofiya kak ideologiya [Philosophy as an Ideology]. *Filosofskii Zhurnal* [Philosophy Journal], 2017, vol. 10, no. 4, pp. 172–180.

Pico della Mirandola G. *Rech' o dostoinstve cheloveka* [Oratio de Hominis Dignitate]. Available at: <http://platonizm.ru/content/piko-della-mirandola-rech-o-dostoinstve-cheloveka>.

Roubtsov A. V. *Rossi'skaya identichnost' i vyzov modernizatsii* [Russian Identity and the Challenge of Modernization], Moscow, Econ-Inform, 2009. Available at: <https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html>

Roubtsov A. Nartsis dlya mass: kak psichologi pbcuyut politicheski' portret Trampa [Narcissus for Masses: how psychologists draw the political portrait of Trump]. *RBK [RBC]*, November 24, 2017. Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/11/2017/5a17f5989a7947703f038b79>

Rubtsov A. V. Illuzii deideologizatsii. Mezhdru reabilitatsiey ideologicheskogo i zapretom na ogudarstvlenie ideologii [The Illusions of Deideologization. Between Rehabilitation of the Ideological and Ban on Nationalization of Ideology]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2018, no. 6.

Rubtsov A. V. Prevrashcheniya ideologii. Ponyatie ideologicheskogo v “predelnom” rasshirenii [Transformations of Ideology. The notion of the ideological in its “widest” extension]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2018, no. 7.

Soloviev E. Yu. Filosofiya kak kritika ideologii'. Chast' I [Philosophy as a Critique of Ideologies. Part I.]. *Filosofskii Zhurnal* [Philosophy Journal], 2016, vol. 9, no. 4, pp. 5–17.

Syrodeeva A. A. Filosofiya i ideologiya; illuziya deideologizatsii. (“Kruglyi stol” v Institute filosofii RAN) [Philosophy and Ideology; Illusion of Deideologization. (The round

table discussion at the Institute of Philosophy RAS)]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2018, no. 7.

Schmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen], Saint Petersburg, Nauka, 2016.

Worley W. Donald Trump is 'worse than any horror story I've written', says Stephen King // *Independent*. Thursday 4 May 2017. Available at: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/stephen-king-donald-trump-president-us-worse-than-any-horror-story-ive-written-a7717506.html>

Ideology and narcissism. Manias for Grandiosity: observation, symptoms, genesis

Alexander Rubtsov. PhD in Philosophy, Head, Department of Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Abstract: The relationship between the sphere of ideological and narcissism in its individual and collective manifestations being a little-studied subject of theory is regarded by the author in historical perspective and in actual politics. The parallelism of two processes: the rehabilitation of ideology with the forced re-ideologization of politics and daily life, on the one hand, and narcissistic exacerbations in official ideology and mass consciousness, on the other. The origins of the narcissistic inclination of ideology date back to the early Modern period: its self-determination in secularization occurred against the backdrop of the heyday of the titanic humanism in philosophy and Renaissance projects. The ambivalence of the main components of the scheme: Modern, ideology and narcissism. The basic contradictions in the worldview of Modern: Freedom and Order, privacy and totality, individuation and cult of organization. Openness to the new and the changes combined with a halt of reality in the completed project. As an analogy to the scheme for the constitution of the political opposition "friend – enemy" (Karl Schmitt) the ideological is constituted in the article by the opposition "faith – knowledge". Ideology is defined as a genetic narcissus which by default is characterized by inclination to megalomania and high self-esteem, fixing on grandeur and omnipotence, problems with communication and empathy. Aggression and repression often are realized in the range from attacks of "narcissistic rage" to a sacramental attraction to death. The border (zone) of transition from natural narcissism of ideologies and ideological subjects to disorders at the level of groups and mass assemblies as well as "non-subject" formations in the structures of the state and society is analyzed in the article. Philosophy is localized between the innate narcissism of ideology and the antinarcissism of science.

Keywords: ideology, narcissism, abnormal psychology, Modern, freedom, orderliness, total project, political repression, complexes, psychological repression, postmodern, reideologization.